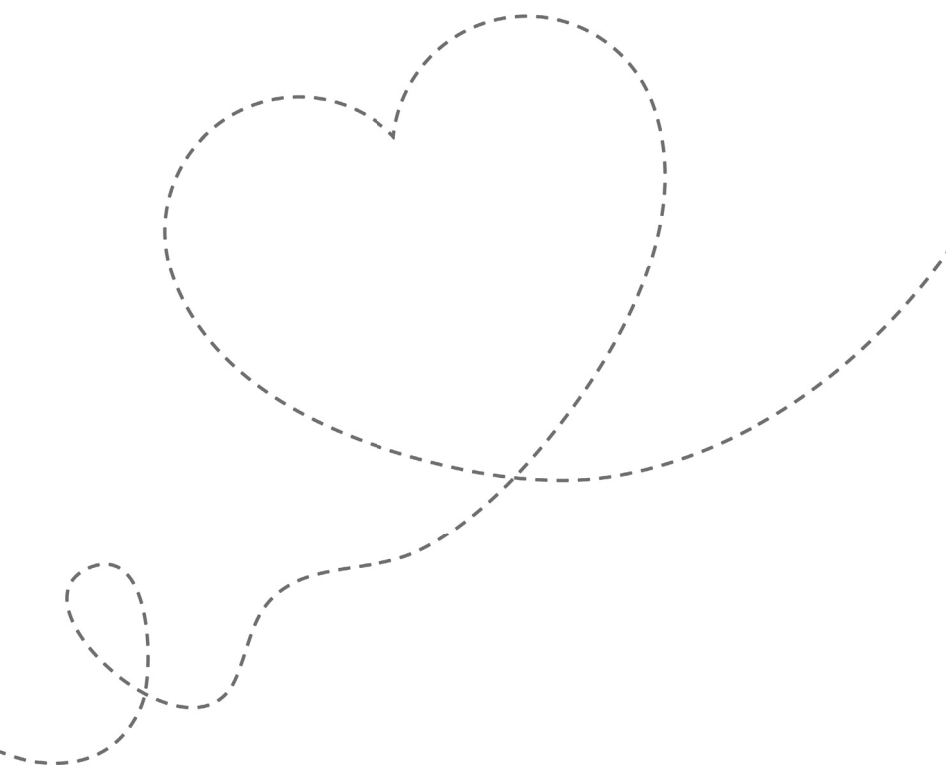

Анна Одувалова

**НЕ СМЕЙ
МЕНЯ
ЖЕЛАТЬ**

Москва

Анна Одувалова

**НЕ СМЕЙ
МЕНЯ
ЖЕЛАТЬ**

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-44

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Дизайн переплета *Евгении Лукомской*

Иллюстрации на переплете *lukhl*

Одувалова, Анна Сергеевна.

О-44 Не смей меня желать / Анна Одувалова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-217737-8

Она — богатая наследница с отвратительным характером, и ей угрожает опасность. Весь мир у ее ног, и она привыкла добиваться всего, чего хочет. Например, такой неподходящей, но срывающей крышу любви.

Он — бывший солдат со шрамами в душе и на теле. Он не верит в любовь и не ценит жизнь. Для него нет нежности, есть только животная страсть.

Его задача — любой ценой защитить жизнь клиента и не поддаться незнакомому и опасному чувству. Не предать доверие того, кто вытащил его из ада и не соблазнить его дочь. Только вот сумасбродная девица привыкла все делать по-своему, и с каждым днем противостоять ей все сложнее.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Одувалова А.С., текст, 2025
© Оформление.

ISBN 978-5-04-217737-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Глава 1

МОЙ ЛИЧНЫЙ НАДСМОТРИЩИК

Ника

— Она избалована, капризна и упряма.

Отец выглядит слишком серьезным и, кажется, повторяет эту нелестную характеристику далеко не в первый раз. Мне на миг становится стыдно за свое, безусловно, недостойное поведение. Но всего лишь на миг. Потому как стыдиться тогда, когда бессовестно подглядываешь за отцом в щель двери и подслушиваешь важный разговор, несколько лицемерно. За подслушивание мне не стыдно. Должна же я знать, о чем идет речь. Впрочем, я предполагаю! И мне очень сильно это не нравится.

— Все понимаю. — Голос мужской, низкий и отстраненный. Словно говорившему совершенно не интересно.

Жаль, с такого ракурса видно только краешек дубового стола и рукав черной водолазки говорящего.

— Мне хочется, чтобы ты помнил о моих условиях. Единственное, что прошу, — не спать с моей дочерью и сделать так, чтобы ей ничего не угрожало.

Даже так! Теперь папочка решает, с кем мне спать, а с кем нет! Щеки вспыхивают то ли от злости, то ли из-за того, что собственный отец думает о моей сексуальной жизни больше, чем я сама.

Я едва успеваю отскочить в сторону, когда дверь распахивается и отец выходит из кабинета. Я даже не думаю скрываться и на возмущенный взгляд не реагирую. Папа грозно хмурит брови, открывает рот, намереваясь что-то сказать, но не успевает, так как за ним следом выходит Он.

И он решил, что я буду спать с этим? Мужик пугает. Одним видом. Если бы я встретила такого ночью в клубе, пожалуй, даже сбежать не смогла, потому что на меня напал бы ступор.

Простая черная водолазка с высоким воротником. Кажется, она осталась с тех пор, когда ее обладатель был изрядно крупнее. Худощавое тело, очертания которого не сильно разберешь под свободной тканью, и пугающая физиономия. Короткие, стриженные ежиком волосы, щетина, и на ее фоне — выделяющийся светлым росчерком шрам, уродующий щеку и рассекающий уголок губы.

Воистину папа, видимо, считает, что я нахожусь в том возрасте, когда любой представитель сильного пола вызывает единственное желание: запрыгнуть к нему в койку! Да таких нужно обходить десятой дорогой! И этого он собирается приставить меня охранять? Этак я ночью от страха писаться начну!

Мужчина изучает меня с ленивым интересом, и от холодного пронзительного взгляда между лопаток пробегает холодок. Я боюсь и испытываю еще какое-то странное чувство. Не хочу находиться рядом с ним! Мне казалось, что с охранником клиент должен чувствовать себя как минимум спокойно и удобно. Но с этим типом?

— Ты издеваешься, да? — спрашиваю у отца. — Скажи, пожалуйста, где и в какой полойке ты его откопал?

— Побольше уважения, Ника! — рычит отец, я даже подпрыгиваю от неожиданности. На меня он голос повышает крайне редко. После того как умерла мама, я — единственный луч света в его жизни. — Марк — офицер в отставке, и он видел такое, что тебе даже не снилось, — уже спокойнее замечает он.

Даже так? Мне дают не комнатную собачку, приученную рычать на незнакомцев, а выловили настоящего волка. Интересно, он вилку-то с ножом умеет держать? Или их там не учат таким

тонкостям? Впрочем, какая разница, обедать с ним в ресторане я точно не собираюсь.

— Мне не нужен твой цепной пес, — мило улыбнувшись, припечатываю я. — Да, произошедшее с Лизой — трагедия. — Мой голос дрожит, и на глазах выступают слезы. Приходится сделать глубокий вдох, чтобы загнать их обратно. — Но это не значит ровным счетом ничего. Я не буду таскаться по сомнительным заведениям. Да, мы сглупили. Да, она сглупила сильнее, чем я. Да, мы гонялись за острыми ощущениями. Поймали. Хватит на всю оставшуюся жизнь!

— Не спорь. Я все решил. Марк будет тебя сопровождать везде. Точка. Станешь выпендриваться — применит силу. Даже наручники, если понадобится. Я ясно выразился?

— Я сейчас еду на похороны лучшей подружки, и сторожевые псы мне без надобности!

— Вероника, он едет с тобой! Точка.

— В таком виде?

— Не переживайте, Вероника Валерьевна! — Голос тихий, от него внутри начинает все вибрировать. — Я переоденусь.

Мне кажется, или он надо мной ржет? Впрочем, может быть, это шрам придает его лицу такое слегка насмешливое выражение.

— Рожу тоже переоденешь? — огрызаюсь я, разворачиваюсь и мчусь к себе в комнату.

Замираю на секундочку и, удостоверившись, что отец поднимается следом, с чувством ударяю дверь о косяк. Пусть знает — я оскорблена.

Марк

— Тронешь ее хоть пальцем, а тем более еще каким-нибудь местом — убью. — Самбурский говорит это таким тоном, что вопросов не возникает: он не шутит. — Она у меня девочка красивая. Капризная и избалованная, но невинная. Пусть тебя не обманывает ее поведение. Ника может корчить из себя все что угодно, но трахать ее будет только законный муж. А ты, при всем моем уважении, на эту роль не тянешь.

— Так, может, стоит нанять кого-то постарше, чтобы наверняка? — Стараюсь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри я напряжен, как пружина. Зря я сюда пришел.

— То есть себе ты не доверяешь?

— Речь не обо мне, а о вас. Доверяете ли вы мне. Если нет, то какой смысл пробовать сотрудничать?

— Меня просила твоя мать. — Самбурский вздыхает. — Ей я отказать не могу — это раз. Я знал твоего отца, я обязан ему жизнью и на своем пути не встречал более честного и преданного человека. Правда, тут вопрос, теми ли я пу-

тями хожу. Он не мог воспитать своих сыновей иначе. Мудаки — они, знаешь ли, растут в наших кругах. Им бы я Нику не доверил. И все эти элитные охранные агентства... Прости, но там воспитывают эскортников. Мне это не подходит, мне нужен человек, на которого я могу положиться. Я ответил на твой вопрос?

— Вполне.

— Тогда жду от тебя ответной любезности.

— Я услышал ваши требования. — Я киваю. — А также отдаю себе отчет, что я совсем не тот типаж, который может зацепить молоденькую богатую девчонку. Неужели вы сами не видите?

Самбурский смотрит на мою недовольную, небритую физиономию. Я прекрасно знаю, что он видит. Одну щеку пересекает шрам. Он же задевает уголок губы. Взгляд спускается к глухому вороту водолазки, но даже над ним виднеется пара шрамов. Следы на мне везде, но людям обычно хватает и этого.

Валерий Иванович читал досье и знает: меня буквально собрали по кускам. Я не сидел бы перед ним, если бы не мать. Не только потому, что не пришел бы устраиваться на работу телохранителем к взбалмошной малолетке, просто не выжил бы. На мне уже поставили крест.

Не знаю, что связывает мою мать с Самбурским, но когда она впервые за двадцать пять лет

дала о себе знать и просила помощи, он не отказал. Деньги и связи помогли выкарабкаться, но внешность стала, прямо скажем, специфической.

Самбурский морщится, закончив изучение, и выдает вердикт. Не такой, как я ждал, но в целом верный.

— А черт этих баб поймет, что им надо?

Обсудив условия, выходим в коридор, где с ходу натыкаемся на блондинку. Холеная и жутко злая, смотрит волком, хамит, прицельно ударяя словами в самые больные места, и гордо уходит. Какие-то три минуты, а я снова в аду.

Мой наниматель морщится и пожимает плечами, словно извиняясь и сообщая: «Ну а я что говорил?» Но ничего, прорвемся.

Это сложнее, чем я думал. Нет, я никогда не был красавцем. Да и не имел привычки изучать свое отражение в зеркале. Мужик как мужик. Две руки, две ноги, военная форма — девчонки клевали.

После госпиталя все меняется. Меняюсь я сам... и не только внешне. Серьезное ранение ломает. Я не придаю бы значения шрамам, если бы мог заниматься привычным делом и дальше. Сейчас все заслуги остались в прошлом, а имеющиеся навыки совершенно не нужны в мирной жизни.

Я соглашаюсь на эту работу только потому, что просит мать, пытаюсь вытащить меня из скорлупы. Я не хочу этого, но понимаю: нужно или сдохнуть, или продолжать жить. Жаль, никто не сказал, что это будет так сложно.

В глазах дерзкой блондиночки застыл ужас. Не страх, а брезгливый ужас. И это, оказывается, неприятно.

Именно под этим надменным взглядом голубых глаз я в полной мере осознаю собственное ничтожество. У меня даже одежды нормальной нет. Водолазка — и та от Игоря, младшего брата, а он двухметровый здоровяк. Есть несколько комплектов формы, которую я теперь не имею права носить, и старые вещи. Рубашки с воротником, открывающим шею, майки с коротким рукавом.

Но если нимфу пугает шрам на щеке и небритая физиономия, что с ней случится, если позволить разглядеть больше? Люди предпочитали делать вид, что войны нет, а если и есть, то где-то далеко, и следов она не оставляет.

Валерий Иванович говорит, что гардероб — его забота. Определенный круг, определенные требования и необходимость одеваться за чей-то счет тоже быют под дых. Мне всю жизнь внушали, что солдат — расходный. И почему-то не объяснили, что делать, если на войне ты стал не нужен, но чудом остался жив.

Ника

— В самом-то деле! Он издевается? Ну хочет нанять охранника, так почему все это нужно делать у меня за спиной? Нельзя посоветоваться? Придумать вариант, который устроит обе стороны? — бурчу я, стаскивая домашнее платье. — Зачем приглашать этого? Чтобы все друзья разбежались в ужасе? Неужели нет других вариантов!

Злость кипит внутри и очень хочет вырваться наружу. Но я пока не знаю, как дать ей выход. Не мебель же крушить. Присаживаюсь на кровать и закрываю глаза, проваливаясь в воспоминания.

Позавчера, вечер

Каблук ломается, и я бегу, спотыкаясь и залетая в лужи до середины щиколотки. Дыхание сбивается, и я не знаю, что будет хуже: если мерзавцы меня догонят или если отец узнает, что я снова сбежала после назначенного им комендантского часа. В общем-то, если меня догонят эти психи, отец точно узнает, где проводит ночь его дочурка. Очень плохо! Просто отвратительно!

До припаркованной за углом машины остается совсем чуть-чуть. Я дергаю дверь, ввалива-

юсь на водительское сиденье, тут же завожу мотор и блокирую двери. Теперь в безопасности. Ушла. Все же Лизка — тварь! Вытащила меня в этот гадюшник — кто только надумал назвать его ночным клубом? — и свалила с официантом! Ладно бы с кем! Она потащила себе в постель разносчика бокалов и бросила меня одну в потной и обдолбанной толпе пьяных уродов!

Ладно, я тоже нетрезва. Пара бокалов вискаря дома, пара коктейлей тут. В голове до сих пор шумит. Не знаю, от выпитого или от похотливых взглядов тех парней. Они подвалили ко мне в центре зала и активно делали вид, будто мы уже знакомы. Сочли меня более пьяной, чем на самом деле. Это забавляло. До той поры, пока они не решили, что я должна непременно поехать с ними скоротать вечер.

Поначалу вылазки в такие сомнительные места будоражат. Кровь играет, и в ней скачет адреналин. Но потом... Потом границы размываются. Знакомства — опаснее, клубы — подозрительнее. И вот сегодня Лизка бросила меня и свалила, а я еле сбежала! В отличие от нее, я не готова спать с первым встречным. Я вообще не готова ни с кем спать. Только вот она этого не понимает.

— Зачем лишать себя удовольствия? — передразниваю ее и даю по газам.